

Nina Kowalowa

Традиции просвещения в современной советской литературе : (Человек и природа повести А. Адамовича "Последняя пастораль")

Rusycystyczne Studia Literaturoznawcze 15, 86-92

1991

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Традиции просвещения в современной советской литературе (Человек и природа в повести А. Адамовича „Последняя пастораль”)

Нина Ковалева

Советская литература последних лет все чаще обращается к общечеловеческим проблемам: человек и его место в этом мире, конечность человека и конечность вселенной; в литературе все чаще появляются эсхатологические мотивы, популярными становятся мифологические образы (образ распятого Христа) и т. д.

Современная литература как бы оглядывается назад, обращается к опыту прошлого; идет переоценка ценностей, и чаще всего мы обращаемся к XVIII веку, к веку Просвещения и находим в нем много общего с нами проблем.

Одной из центральных проблем Просвещения является проблема взаимоотношения человека и общества, частного и общего, роли культуры в жизни общества, роли цивилизации.

В настоящее время человечество как бы зашло в тупик в своих взаимоотношениях с окружающим миром, с природой; мы уже больше не наступаем на природу, а отступаем, пытаясь сохранить то, что осталось.

Начиная с 20 — 30-х годов наша отечественная литература воспевала гигантские стройки, грандиозные проекты, которые основывались на нашем знаменитом лозунге „Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача”. Все это в конце концов и привело страну к опустошению и экологической катастрофе. „Что скрывать, это была война, еще одна гражданская война против собственных полей и рек, ценностей и святынь, которая, перекидываясь с местности на местность, длится до сих пор, и, как в любой войне, прежде всего гибло и гибнет в ней все самое лучшее” — Валентин Распутин¹.

Валентин Распутин в числе других писателей указал на опасность, нависшую над природой и человечеством: „Три опасности уничтожения человечества существуют сегодня в мире: ядерная, экологическая и опасность, связанная с разрушением культуры...”².

¹ В. Распутин: *Байкал*. „Наш современник” 1989, № 7, с. 158.

² Там же, с. 159.

„Защита родной земли от разорения и гибели, природы — от хищнического уничтожения и разграбления, людей — от нравственного одичания и утери исторической памяти — проблемы эти, разрабатываемые ранее в художественных образах, стали нынче болью и проникновенным защищающим словом страстного трибуна...” — так характеризует сегодняшнюю позицию писателя критик Николай Котенко³.

Человек в XX столетии вычленил себя из окружающего мира природы, встал над ней, тем самым порвав с ней кровную связь, забыв предостережения и заветы мыслителей прошлого: наблюдать природу и следовать теми путями, которые она прокладывает; слушаться природу, которая никогда себе не противоречит. Только законы природы неизменны, всеобщы, неотменимы, только они определяют судьбы человеческого рода. Знаменитые философы эпохи Просвещения Жан Жак Руссо, Дени Дидро и др. считали, что человеческие законы справедливы лишь тогда, когда они соответствуют природным законам. Они отмечали теснейшую связь субъекта познания — человека — и его объекта — природы. Изучая себя, человек изучает внешний мир и наоборот. Здесь, с одной стороны, новые истины добываются на пути осознания человеком своей тождественности с природой, своей причастности к ее работе; с другой стороны, сравнивая свои качества и силы с „качествами” и „силами” природного мира, человек глубже познает „натуральные законы” своей собственной сущности, свои возможности, „слабости” и „могущество”, свои „естественные права”.

В век Просвещения оформляются социальные учения, к которым все чаще обращается современная мысль. И это прежде всего идеи эволюции и идеи революции, идеи воспитания и просвещения людей и идеи революционного преобразования мира. Спор просветителей о том, что нужно сделать прежде: просветить или освободить народ, вдруг приобрел в наше время совершенно новое звучание. Сейчас мы все больше склоняемся к выводу, что все-таки следовало бы вначале просветить, а потом освобождать. Интересные размышления на эту тему содержатся в статье Сергея Залыгина: „Мы хотели переделать мир, причем очень быстро, силами всего двух-трех поколений, отвергая эволюцию, используя почти исключительно революционные методы. Нам это не удалось, не вышло. И ни у кого никогда не выходило так, как бывало в начале той или иной революции задумано. В конце концов революции — мгновения, а история — это века, и если бы первые доминировали над вторыми — жизнь стала бы томительным ожиданием момента, и только. Так что всему свое и время и место. Это вовсе не значит, что с окончанием революции перестанут существовать ее идеи. Идеи как раз и есть то

³ Н. Котенко: *Все начинается с нравственности*. „Литературная газета” 1989, № 26.

главное и наиболее долговременное из всего того, что революции после себя оставляют, к чему послереволюционные эпохи возвращаются в поисках собственной мысли, хотя это заимствование очень часто и остается незамеченным и выдается за новые и даже новейшие открытия.

История идей — едва ли не самое существенное в истории мысли. В истории идей едва ли не самое существенное — история социальных учений.”⁴

Пожалуй, только в последнее время всерьез заговорили о преемственности идей, о силе слова, о роли писателя, ученого, вообще — о роли интеллигенции в жизни общества, как бы вспомнив век Просвещения — и роль философа, писателя как советников, воспитателей общества. В каком положении находилась наша интеллигенция еще совсем недавно — всем известно. Анализируя положение современной сельской интеллигенции, Михаил Петров приводит определение интеллигенции из *Философского словаря* 1980 года издания: „Интеллигенция как социальный слой не способна к самостоятельной политике, ее деятельность определяется интересами тех классов, которым она служит.”⁵

Эта подчинительная роль интеллигенции привела к крайней идеологизации культуры, к тому, что „[...] культура у нас все время кого-то или что-то обслуживает. Иногда это крупные исторические задачи, иногда сиюминутные [...] Отсюда и остаточный принцип, поскольку к «слугам» как правило относятся неуважительно. А уж к слугам на ниве культуры тем более”⁶.

Писатели, ученые видят прямую связь падения культуры, нравственности с экономическими и экологическими проблемами нашего общества. „Сейчас экологически запущена душа, она низведена до низшего ранга, экологически перегружена политикой. Все пропитано ею, от нас требуют наслаждаться красотой, которая подсвечивается политикой. Это все делается в ущерб большой человечности. А этого природа не терпит и не простит” — Леонид Леонов⁷.

„XXI век должен стать веком гуманитарным, обращенным к человеку, человеческим ценностям. Техника уже зашла в тупик, она уже начинает съедать самое себя. Мы сможем технически развиваться только в том случае, если поддержим гуманитарные науки” — Дмитрий С. Лихачев⁸. Гуманизация, гуманитаризация общества тесно связаны с гуманным отношением к природе, к культурным ценностям.

⁴ С. Залыгин: *К вопросу о бессмертии*. „Новый мир” 1989, №1, с. 41.

⁵ М. Петров: *Блаженны ли нищие духом?* „Литературная газета” 1989, №26.

⁶ *Кризис культуры — где же выход?* „Советская культура” 16 декабря 1989 г.

⁷ Л. Леонов: „Литературная газета” 1987, №20.

⁸ Д. С. Лихачев: *Экология культуры. В: Размышления. Советские писатели о жизни и мире*. Москва 1989, с. 93.

Появилось новое направление в науке — экология культуры. Человек издавна понимал природу не только как среду обитания, но и как источник прекрасного. „Целительная сила природы хорошо известна” — Д. С. Лихачев⁹.

Много сил, энергии отдает спасению Байкала писатель В. Распутин. Он говорит о „нравственном перерождении”, нравственном воспарении” человека, впервые увидевшего красоту уникального озера. Человек должен сохранить и природную биологическую среду и культурную среду своего обитания. Этому посвятил свою деятельность академик Д. С. Лихачев: „Сохранение культурной среды — задача не менее существенная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда столь же необходима для его духовной, нравственной жизни.”¹⁰

Однако события последних лет показывают, насколько близка к исчезновению, разрушению, уничтожению наша биологическая и культурная среда! Вот почему в литературе и публицистике последних лет все чаще звучат эсхатологические мотивы, появляются романы-предупреждения, вообще произведения, которые Алесь Адамович в силу особенности их тематики предлагает назвать „сверхлитературой”, считая, что на исходе века писатели „[...] должны создавать что-то, адекватно противостоящее сверхсмертям, сверхубийствам, заложенным в сверхоружии [...] А какая получится литература из этого, не знаю. Я назвал бы это даже не публицистическим заострением — я назвал бы это поиском новой художественности, новой системы эстетической”¹¹.

Примером такого произведения и является повесть самого А. Адамовича *Последняя пастораль*. Названием повести писатель обращает нас в прошлое, к литературе Возрождения, Просвещения, к жанру изящного пасторального романа о любви, но эпитет „последняя” возвращает читателя к тревожному и даже трагическому настоящему. На этом контрасте построено все произведение. Прекрасные картины, картины любви, но это последнее, что осталось на Земле; страшные картины гибели мира, и опять трогательно-щемящий эпилог: и прощание с этим миром и надежда на то, что любовь — вечна.

Герои повести абстрагированы, нарочито обобщены, лишены индивидуальности, даже имен: Он, Она, Третий.

В Ней — Всеженщине — обобщено, сконцентрировано женское начало, ее прекрасный женский облик навеян герою боттичеллевской Венерой, женская изменчивость подчеркивается неуловимой, не поддающейся опре-

⁹ Там же, с. 94.

¹⁰ Там же, с. 94.

¹¹ Г. Беляя: *Кризис! Кризис!* „Взгляд”, Москва 1988, с. 52.

делению национальной принадлежностью и удивительной способностью произносить слова любви на разных языках. Просыпаясь, она может быть парижанкой, англичанкой, африканкой — Всеженщиной.

„Когда она так одета, а медовые волосы пчелами вьются-летают вокруг прекрасного лба и длинно падают по шелковистому голубому морю, а в лице такая оживленная и счастливая скромность совершенства (боттичеллевская!), никакая война, никакая смерть не кажутся случившимися окончательно. Вместе с Красотой, собою занятой, по-детски уверенной в своем бессмертии, ты тоже скользишь, сползаешь в мир, как бы все существующий.”¹²

По мысли автора, задача Женщины — возродить род людской (новая Ева), но в конце повести Она из символа Любви и Красоты превращается в символ Смерти, разрушаясь, распадаясь на глазах у героя. Красота и Любовь не могут спасти мир, они гибнут сами.

В повести смоделирована еще одна ситуация из русского классического романа — испытание героя любовью. Женщина выносит свой приговор сильной половине рода человеческого: мужчины — Всекаины, предавшие Красоту, Любовь, жизнь детей и собственную жизнь, не желающие прислушаться к голосу разума, к голосу природы, инстинкту самосохранения рода — и вот: Она “[...] повела рукою в сторону, где кончается наш остров, наш непонятно как существующий мир. Там, в кипящей от молний и штормов, заледеневшей саже погребено все — и правота одних и неправота других, все истины, все идеи, все слова. И вот эти тоже, хотя они из книги, называвшейся Вечной: тенел, мене, мене »Ты взвешен на весах и найден очень легким. Исчислил Бог царство твое и положил конец ему [...]”¹³

Повествование, построенное на контрасте, держит читателя в постоянном напряжении. Пасторальные идиллические любовные сцены сменяются политическими спорами представителей двух враждующих сторон в последней на Земле войне, к спорам, которые здесь, на этом клочке чудом уцелевшего мира, разрешаются не вспышкой ненависти, а примирением и смехом. („Вот бы раньше так рассмеяться!”) И примиряет героев повести то, что они в эти последние мгновенья своего существования поняли самое главное, осознали свое родство и свое одиночество во Вселенной, они как люди, которые „[...] встретились в далеком Космосе, состыковали свои аппараты” и говорят о своей родной, прекрасной и далекой Земле. „Про то, как много на ней всего и как все отрегулировано на тысячи и тысячи лет счастливой жизни, на миллионы лет для сотен тысяч поколений: воздух и вакуум, вода и огонь, свет и тьма... Но главное — сколько всего лишнего, вроде бы необязательного, но без чего

¹² А. Адамович: *Последняя пастораль*. Москва 1989, с. 528.

¹³ Там же, с. 558.

и самое необходимое будет пресным, сколько на Земле всего, что не загрузишь, не возьмешь, не прихватишь в самую вместительную ракету или подлодку, не запасешь впрок и что потом в снах видишь — самое »ненужное«, »необязательное« как раз и видишь. Роса до колен; холод в мокром еловом лесу; [...] дышащий постоянным холодом ледник; сладко прилипающий в ноздрях, в глотке степной мороз [...] И люди, люди, тысячи случайных, надоевших, мешающих, не знающих куда от них убежать, уединиться, — но это лишь когда они есть, окружают, теснят и когда знаешь, уединившись, что они где-то там. В этом все дело — знать, что они есть.”¹⁴

Последняя пастораль А. Адамовича не оставляет по прочтении у читателя чувства обреченности. Наоборот, она побуждает читателя к действию, к необходимости найти выход, остановить это разрушение, уничтожение всего: культуры, нравственности, красоты, самой Земли, наконец.

Этот призыв к единению все чаще раздается со страниц периодических изданий и со страниц художественных произведений. Идет ускоренное развитие мировой цивилизации, четко наметились тенденции и интеграции разных регионов, культур, государственных систем. Создание Всесоюзной Ассоциации „Мир через культуру” свидетельствует о начавшихся у нас новых процессах. В Программе Ассоциации — призыв „очнуться от нравственной спячки и духовной летаргии”, „становиться человечными в полном смысле этого слова”, утверждать идеалы мира „через уважение к культуре, через развитие культуры на всех уровнях жизни”¹⁵.

Современная советская литература, развивая и продолжая традиции мировой литературы, вновь обращается к человеческому Разуму, к утверждению человеческого духа вопреки бесчеловечности мира; обращается “[...] к Первоисточнику, не вопреки Природе, а в согласии с ней”¹⁶. И ценность современной литературы не только в отрицании, разоблачении, а в размышлении, осмыслении происходящего.

¹⁴ А. Адамович: *Последняя пастораль...*, с. 529.

¹⁵ *Программа Всесоюзной Ассоциации „Мир через культуру”*. „Москва” 1989, № 11, с. 201.

¹⁶ *Почем ныне мировая скорбь?* „Литературная газета” 1989, № 48.

Nina Kowalowa

TRADYCJE OŚWIECENIA WE WSPÓŁCZESNEJ LITERATURZE RADZIECKIEJ
(CZŁOWIEK I PRZYRODA
W OPOWIADANIU A. ADAMOWICZA „OSTATNIA PASTORAŁKA”)

Streszczenie

Literatura radziecka ostatnich lat coraz częściej porusza problemy ogólnoludzkie: człowiek i jego miejsce w świecie, „skończoność” człowieka i wszechświata; w literaturze coraz częściej pojawiają się motywy eschatologiczne, stają się popularne obrazy mitologiczne.

Współczesna literatura korzysta z doświadczeń przeszłości (głównie wieku XVIII), ujawniając wiele podobieństw do współczesności. Ogólnie wiadomo, iż postępowi działacze XVIII wieku wiązali dobrobyt i rozwój społeczeństwa z rozwojem nauki, kultury, oświaty. Współcześni pisarze i uczeni widzą bezpośredni związek upadku kultury i obyczajowości z ekonomicznymi oraz ekologicznymi problemami naszego społeczeństwa.

Wydarzenia ostatnich lat dowodzą, jak bliska jest zagłada naszego biologicznego i kulturalnego środowiska, znajdują one odzwierciedlenie w utworach, które pisze Aleś Adamowicz, ze względu na specyfikę ich tematyki, proponuję nazwać „nadliteraturą”. Przykładem takiego utworu jest opowiadanie tegoż autora *Ostatnia pastoralka*, w którym została przedstawiona przerażająca wizja zagłady ziemi wskutek katastrofy atomowej. Jednakże główną ideę opowiadania stanowi konieczność powstrzymania tego zniszczenia, apel do ludzkiego rozumu o jednoczenie się.

Nina Kowalowa

THE TRADITIONS OF THE ENLIGHTENMENT IN CONTEMPORARY
SOVIET LITERATURE (MAN AND NATURE IN THE NOVEL BY
A. ADAMOWICZ „ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ”)

Summary

During recent years Soviet literature has ever more frequently taken up the problems of the world as a whole: man and his place in the world, the „finiteness” of man and the universe; in literature more often than before appear eschatological motifs, mythological pictures become popular.

Contemporary literature profits from the experience of past times (principally the XVIII century), discovering many similarities with the contemporary world. It is generally known that progressive minds of the XVIII century associated prosperity and development of society with the development of science, culture and education. Contemporary writers and thinkers perceive a direct link between the decay of culture and mores and the economic and ecological problems of our society.

The events of the last few years show clearly that our biological and cultural environment is close to destruction. These events are mirrored in the writings which the author Aleś Adamowicz, with regard to their specific themes, proposes calling „superliterature”. An example of a work of this kind is the novella by this author called *Последняя пастораль*, in which is presented a horrifying vision of the destruction of the earth due to an atomic catastrophe. Nevertheless, the principal theme of this work is the necessity of arresting this destruction, an appeal to the human understanding, the necessity of uniting.